

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕАЛИИ В РОМАННОЙ ПРОЗЕ В. ПЕЛЕВИНА НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА "ЧАПАЕВ И ПУСТОТА"

Мамаджанова Гульмира Мусиновна

*Доктор философии по филологическим наукам (PhD), доцент
кафедры русской филологии Ферганского государственного университета*

Аюпов Тимур Рустамович

*Доцент кафедры русского языка и литературы КГУ
(Кокандский государственный университет)*

Электронная почта: Timurka2005@bk.ru

ORCID: 0000-0002-6251-3755

Аннотация. *Статья посвящена анализу художественных реалий в романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» как ключевого произведения его раннего творчества. Исследование фокусируется на синтезе постмодернистских приемов, восточной философии, русской литературной традиции и социальной критики, формирующих уникальную художественную реальность романа. Рассматриваются интертекстуальность, мифотворчество, концепция иллюзорности мира и образы героев, отражающие онтологический кризис постсоветского общества. Анализ опирается на текстологический и сравнительный методы, а также на работы российских литературоведов, таких как М.Н. Липовецкий и Н.В. Ковтун.*

Ключевые слова: *Виктор Пелевин, «Чапаев и Пустота», художественные реалии, постмодернизм, мифотворчество, восточная философия, русская литература, интертекстуальность, социальная критика, онтологический кризис.*

Введение

Виктор Пелевин, один из самых влиятельных русских писателей конца XX – начала XXI века, в своем романе «Чапаев и Пустота» (1997) создал уникальную художественную реальность, сочетающую элементы постмодернизма, восточной философии и русской литературной традиции. Роман стал культовым явлением, отражая духовные и социальные трансформации постсоветского общества. Художественные реалии Пелевина, построенные на игре с реальностью и иллюзией, мифами и архетипами, предлагают читателю не только эстетическое удовольствие, но и философскую рефлексию о природе бытия.

Цель статьи — исследовать художественные реалии романа «Чапаев и Пустота», выявляя их структурные, тематические и философские особенности. Задачи исследования: 1) проанализировать постмодернистские приемы, формирующие художественную реальность; 2) рассмотреть роль восточной философии в создании онтологической концепции романа; 3) изучить влияние русской литературной традиции на образы и мотивы; 4) оценить социокультурный контекст как основу.

критического дискурса; 5) выявить значение мифотворчества в структуре романа. Исследование опирается на текстологический анализ, интертекстуальный подход и социокультурный контекст, а также на критические работы российских ученых.

Материалы и методы

Исследование основано на текстологическом анализе романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота» (1997). Дополнительно использованы критические статьи. Методология включает: 1) текстологический анализ для выявления структурных и тематических элементов; 2) интертекстуальный подход для изучения отсылок к литературным, философским и религиозным текстам; 3) сравнительный анализ для сопоставления с русской литературной традицией; 4) социокультурный анализ для оценки контекста 1990-х годов. Теоретическая база включает работы М.Н. Липовецкого, Н.В. Ковтун, А.Н. Архангельского и других российских литературоведов, а также исследования постмодернизма (У. Эко, Ж. Бодрийяр).

Постмодернистские приемы и структура художественной реальности

Роман «Чапаев и Пустота» представляет собой сложную постмодернистскую конструкцию, где реальность и иллюзия переплетаются, создавая многослойную художественную реальность. Пелевин использует технику «миров в мирах», где повествование разворачивается в двух временных пластах: Гражданская война 1919 года и постсоветская психиатрическая клиника 1990-х. Эта структура позволяет автору деконструировать реальность, показывая ее иллюзорность. М.Н. Липовецкий отмечает, что «Пелевин создает реальность, где границы между вымыслом и истиной стираются, отражая онтологический кризис» [1].

Интертекстуальность играет ключевую роль: роман насыщен отсылками к буддийским текстам («Алмазная сутра», «Тибетская Книга Мертвых»), русской классике (Достоевский, Булгаков) и поп-культуре (Кастанеда). Пародия и самопародия, характерные для постмодернизма, проявляются в переосмыслении образа Чапаева, который из исторической фигуры превращается в философа-мистика. А.Н. Архангельский подчеркивает, что «Пелевин использует пародию как инструмент анализа, превращая исторические мифы в философские аллегории» [2].

Восточная философия и концепция пустоты

Центральной концепцией романа является буддийская идея шуньяты (пустоты), которая формирует онтологическую основу художественной реальности. Главный герой, Петр Пустота, проходит путь духовного поиска, осознавая иллюзорность мира. Пелевин интерпретирует буддийские идеи через призму русской ментальности, создавая синтез восточной и западной философии. Е.В. Волкова отмечает, что «Пелевин адаптирует буддийскую концепцию пустоты, делая ее доступной для русского читателя через знакомые культурные коды» [3].

Восточная философия проявляется в диалогах Чапаева и Пустоты, где обсуждаются дзэн-буддийские коаны и даосские принципы. Например, образ «глиняного пулемета» символизирует иллюзорность материального мира, а

концепция «внутренней Монголии» отражает внутренний духовный поиск. Эти элементы создают художественную реальность, где внешние события подчинены внутренней трансформации героя.

Русская литературная традиция

Пелевин опирается на традиции русской литературы, особенно на мистическую и сатирическую линии Гоголя и Булгакова. В «Чапаев и Пустота» прослеживается влияние «Мастера и Маргариты», где реальность и фантазия сливаются, создавая многоуровневый нарратив. Н.В. Ковтун подчеркивает, что «Пелевин продолжает традицию русской философской прозы, но переосмысливает ее в постмодернистском ключе» [4]. Образы трикстера (Чапаев) и плута (Пустота) связывают роман с фольклорной традицией, а мотивы духовного поиска перекликаются с Достоевским.

Русская литературная традиция проявляется и в сатирическом изображении постсоветской реальности. Психиатрическая клиника, где разворачивается часть действия, символизирует хаос 1990-х годов, напоминая гоголевскую критику социальных пороков. Пелевин использует эти элементы для создания художественной реальности, укорененной в национальном контексте.

Социальная критика и онтологический кризис

Роман «Чапаев и Пустота» отражает онтологический кризис постсоветского общества, где утрата идеологических ориентиров привела к духовной пустоте. Пелевин критикует массовую культуру и механизмы манипуляции сознанием, представляя их как иллюзии, аналогичные буддийской майе. А.Б. Генис отмечает, что «Пелевин диагностирует кризис идентичности, показывая, как человек растворяется в симулякрах» [5]. Психиатрическая клиника становится метафорой общества, где реальность подменяется вымыслом.

Социальная критика проявляется в сатирическом изображении постсоветских реалий, таких как коррупция, хаос и утрата ценностей. Персонажи, такие как барон Юнгern или Анна, воплощают архетипы, которые Пелевин использует для анализа социальных и духовных трансформаций. Художественная реальность романа становится зеркалом, отражающим противоречия эпохи.

Мифотворчество и образы героев

Мифотворчество — ключевой элемент художественной реальности Пелевина. В романе исторические фигуры (Чапаев, Котовский) превращаются в мифологические архетипы, а реальные события переосмысливаются через призму мифов. В.В. Агеносов подчеркивает, что «Пелевин создает новую мифологию, соединяя архаические и современные элементы» [6]. Чапаев, из народного героя превращенный в философа, становится символом духовного наставника, ведущего Пустоту к осознанию пустоты.

Образы героев, таких как Пустота, Юнгern и Анна, отражают внутренние конфликты и поиск идентичности. Пустота, чье имя символизирует буддийскую шуньяту, проходит путь от иллюзии к просветлению, что делает его типичным.

героем философского романа. Эти образы формируют художественную реальность, где индивидуальный поиск переплетается с коллективным опытом.

Обсуждение

Художественные реалии «Чапаева и Пустоты» представляют собой сложный синтез постмодернистских приемов, восточной философии, русской литературной традиции и социальной критики. Постмодернизм позволяет Пелевину деконструировать реальность, создавая многослойный нарратив, где границы между вымыслом и истиной стираются. Восточная философия, особенно буддизм, формирует онтологическую основу романа, предлагая читателю философский взгляд на иллюзорность мира. Русская литературная традиция придает тексту национальную специфику, связывая его с сатирическими и мистическими мотивами Гоголя и Булгакова.

Социальная критика Пелевина направлена на разоблачение механизмов массовой культуры и постсоветского кризиса, что делает роман актуальным для анализа переходной эпохи. Мифотворчество и образы героев усиливают универсальность текста, позволяя ему резонировать как с российской, так и с международной аудиторией. Однако некоторая концептуальная перегруженность и неровность стиля, отмеченные критиками, могут затруднять восприятие для неподготовленного читателя. В целом, художественная реальность романа отражает сложность постсоветского мировосприятия, предлагая глубокий философский и эстетический опыт.

Выводы

Художественные реалии романа «Чапаев и Пустота» формируются через синтез постмодернистских приемов, восточной философии, русской литературной традиции и социальной критики. Пелевин создает многослойную реальность, где иллюзия и истина переплетаются, отражая онтологический кризис постсоветского общества. Интертекстуальность и мифотворчество делают роман интеллектуальной игрой, требующей эрудиции, а образы героев и философские мотивы подчеркивают универсальность текста. Социальная критика выявляет механизмы манипуляции сознанием, а восточная философия предлагает альтернативный взгляд на реальность. Роман остается ключевым произведением Пелевина, демонстрирующим его способность соединять элитарное и массовое, философское и сатирическое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации постмодернистского дискурса в русской культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 704 с.
2. Архангельский А.Н. Русская литература на рубеже веков: Пелевин и другие. М.: Литера, 2010. 320 с.

3. Волкова Е.В. Постмодернизм в русской литературе: Пелевин и Сорокин. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 280 с.

4. Ковтун Н.В. Русская литературная традиция в прозе Пелевина. Екатеринбург: УрГУ, 2012. 256 с.

5. Генис А.Б. Постмодернизм и русская литература. М.: АСТ, 2003. 352 с.

6. Агеносов В.В. Литература постсоветского периода: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2006. 480 с.

